

влекло за собой упадок города как таковой³. Археологи (и об этом не раз упоминается в монографии) датируют начало упадка ранневизантийского города серединой VI в., т.е. второй половиной правления Юстиниана. Исследователи объясняют тяжелое состояние империи чумой и вражескими вторжениями. На наш взгляд, оно было связано с общим ослаблением государства, вызванным пагубной политикой Юстиниана, стремившегося к восстановлению прежней Римской империи в ущерб собственно византийским территориям, подвергавшимся тяжелому налоговому гнету и оставленным без должной защиты перед лицом, с одной стороны, опасного соседа, каким с давних пор являлся для Византии Иран, с другой – северных варваров.

При спорности ее отдельных моментов нельзя не признать, что монография Э. Саради является серьезным вкладом в науку. Отныне ни один исследователь, занимающийся ранней историей Византии, не сможет обойти ее вниманием. Огромным достоинством автора является прекрасное знание работ российских византистов. Это, несомненно, помогло Э. Саради создать столь глубокое интересное исследование.

А.А. Чекалова

Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / Подгот. изд. В.И. Земсковой. Научный консультант И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

Данное издание является первой публикацией обобщающего труда Владимира Евграфовича Вальденберга, основоположника исследования византийской политической мысли. Издание осуществлено по рукописи из архива Вальденберга, хранящейся в Петербургском филиале архива РАН. Во вступительной статье, написанной В.И. Земсковой, представлен очерк жизни и научной деятельности В.Е. Вальденберга.

Во введении (с. 29–54) Вальденберг дает понятие о науке, занимающейся историей политических идей. Он опровергает распространенное в его время мнение, что в Византии не существовало оригинальной политической литературы. Автор формулирует задачу своего исследования следующим образом: “На долю истории политической литературы приходится не выяснение литературных влияний, под которыми складывались произведения и мысли, и не установление их связи с фактами политических и общественных отношений, а прежде всего – *определение их подлинного смысла* и их политико-философского значения, иначе выражаясь, их анализ и оценка” (с. 35). Далее он последовательно разбирает взгляды различных ученых на византийскую философию, которая, по его мнению, так же недостаточно изучена, как и политическая литература. Завершая введение, В.Е. Вальденберг высказывает интересное мнение о том, что, “когда изучение византийского государственного устройства достигнет того уровня, который ему подобает и от которого еще очень далеко современному византиноведению, тогда, может быть, одним из его выводов, надлежащим образом обоснованных, будет то, что государственное устройство Византии оставалось совершенно неизменным в продолжение всей ее тысячелетней истории” (с. 54).

³ *Saradi-Mendelovici H. Christian Attitudes toward Pagan Monuments in Late Antiquity and Their Legacy in Later Byzantine Centuries // DOP. 1990. Vol. 44. P. 63–94; Saradi H. The Kallos of the Byzantine City: The Development of a Rhetorical Topos and Historical Reality // Gesta. 1995. Vol. 34/1. P. 37–56; Eadem. Aspects of the Classical Tradition in Byzantium. Toronto, 1995.*

Глава I “Ранний византизм. IV–V вв.” посвящена философским направлениям ранней Византии, сформировавшимся под влиянием неоплатонизма. Предметом специального внимания автора явились фигуры Синезия и Фемистия. Вальденберг приходит к выводу, что если Синезий и не был оригинальным философом, то во всяком случае являлся мыслителем, который самостоятельно продумывал философские проблемы. Его речь, в отличие от Фемистия, проникнута идеей национального государства. В лице Фемистия мы имеем политического философа, в лице Синезия – политического деятеля.

Глава II “До исаврийской династии (717 г.). V–VII вв.” Здесь дается характеристика произведений таких философов, как Леонтий Византийский, Иоанн Филопон и, наконец, Максим Исповедник. Если первые два автора находились под влиянием и Платона, и Аристотеля, то взгляды Максима сформировались в русле неоплатонизма. Далее Вальденберг переходит к обзору памятников юриспруденции, в числе которых первое место занимает законодательный свод Юстиниана (с. 129–143). Автор рассматривает эволюцию терминологии, определяющей царскую власть и ее место в государстве. Понятие императорской власти прослеживается и на примере других авторов – Иоанна Лидийца и Прокопия Газского. Прокопий, в отличие от своих предшественников, определенно становится на сторону закономерной избирательной монархии. Особое место в числе авторов, затрагивающих вопрос царской власти, занимает трактат Агапита “Главы наставительные”, относящийся к жанру “царского зеркала”.

Наставительным по своему тону было послание патриарха Фотия к Михаилу, правителю Болгарии (глава III, с. 217–226), в котором идет речь о качествах, которыми должен обладать князь, и его обязанностях. Князь должен быть совершенным в нравственном отношении, а задачей государственной власти является улучшение государства, т.е. улучшение нравственной природы людей. Впрочем, Вальденберг не дает высокой оценки произведению Фотия; на его взгляд, сочинения более раннего времени, в частности “О политической науке” Петра Патрикия, стоят неизмеримо выше.

Дидактические произведения Василия I наряду с общими темами, касающимися общего блага как главной задачи государства, тех качеств, которыми должен обладать правитель и проч., впервые ставят вопрос о налоговой политике. В отличие от Петра Патрикия, у которого царь является правителем по избранию народа, у Василия Македонянина император – это монарх Божьей милостью.

Задачи государства и роль царя являются центральной темой в известных трактатах Константина Багрянородного. Императорская власть, по мнению Константина, строго ограничена законом. Эта мысль развивается современником Константином патриархом Николаем Мистиком, который определенно заявляет, что нечестивые постановления нельзя считать проявлением царской власти, а издавший их монарх подлежит строгой ответственности. В произведениях обоих императоров присутствует теократический принцип обоснования царской власти; подчеркивается важность науки для политической деятельности, звучит проповедь закономерности управления и ограниченности царской власти законами.

Характеризуя философские направления палеологовского времени, Вальденберг подчеркивает, что “развитие византийской философии в XIII–XV вв. не включает в себе никаких черт, которые позволили бы говорить об упадке философской мысли и предвещали бы конец как ее самой, так и той общественной среды, в которой они развивались” (с. 366). Церковный раскол, порожденный движением исихастов в XIV в., планы соединения с Западной церковью в XIV–XV вв. – вот те крупные явления в истории церкви, на фоне которых развивалась византийская философия этого периода. По-прежнему, как и у более ранних авторов, в сочинениях ученых палеологовского времени значительное место занимает осмысление идей Платона

и Аристотеля (Никифор Григора, Феодор Метохит и стоящий особняком платоник Плифон). Большой интерес вызывает поставленная Метохитом проблема взаимоотношения между государством и личностью. Человек, считает он, может быть одинаково счастлив в любом государстве – в большом и в малом, в монархии, аристократии и демократии. Государство при этом должно действовать не деспотическими методами, но убеждением (с. 416–424). Заканчивается обзор авторов XV в. Иоанном Евгеником.

В целом труд Вальденберга является первым в отечественной византистике логичным, последовательным обзором философских, юридических и политических трактатов византийцев, так или иначе касающихся вопросов государственной и царской власти. При широте охвата материала неизбежна сжатость изложения; поэтому некоторые весьма яркие фигуры представлены несколько конспективно; значительно затрудняет читателя отсутствие общего заключения к книге. Конечно, многочисленные работы ученых XX столетия, неоднократно занимавшихся как политической теорией у византийцев, так и конкретными произведениями авторов, поставили изучение этой отрасли исторического знания на совершенно иной уровень. Комментарий (составлен И.П. Медведевым и В.И. Земсковой, с. 483–520) ставит перед собой задачу перекинуть своего рода мост между трудом Вальденберга и современным состоянием науки. Живую ноту вносит краткое заключение И.П. Медведева, в котором несколькими штрихами намечены основные тенденции политологии византийцев и ее актуальности для современного человека (с. 481–482). В целом издание труда Вальденберга нельзя не признать важным этапом в освоении наследия наших предшественников; этот труд, без сомнения, принадлежит к классическим трудам русской византистики. Благодаря своей четкой логичной структуре и простому языку он дает возможность познакомиться с основными устоями жизни византийцев любому человеку, проявляющему интерес с истории политических учений, а для специалиста является ценным справочником.

Л.А. Герд

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ВОЕННОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ТРАКТАТА “О СТРАТЕГИИ”

О стратегии: византийский военный трактат VI века / Изд. подготовил В.В. Кучма (Византийская библиотека). СПб.: Алетейя, 2007. 160 с.

Вслед за “Двумя византийскими военными трактатами конца X в.” (2002 г.) и “Стратегиконом” Маврикия (2004 г.) издательство “Алетейя” в своей серии “Византийская библиотека” выпустило третью книгу переводов военных трактатов, сделанных волгоградским византистом В.В. Кучмой. Это тем более необходимо, что переводы данных сочинений на русский язык или вообще отсутствовали, или безнадежно устарели, будучи сделанными со старых некритических изданий (как это было в случае со “Стратегиконом”). В настоящее время и в России, и на Западе наблюдается повышение интереса к византийскому военному делу, основным источником по которому, наряду со скудной историографией и немногочисленными упоминаниями историков, служат военные трактаты. Последние донесли до нас не только чисто военные сведения, но и важные данные по социальной структуре византийского общества, для исследования которого особое значение имеет настоящий трактат “De re strategica”, ведь только в нем из всех военных сочинений Византии автор дает характеристику различных слоев общества (гл. 1–3), таким образом давая понять взаимообусловленность военного дела и общественного строя. Причем этот автор стремится актуализировать свое повествование, беря из трудов предшест-